

Глава 5. Внезапный ливень

Тем временем госпожа Шэн вызвала к себе старого доверенного слугу по имени Шэн Ань.

— Те сто тысяч лянов серебра... — начала она, едва тот переступил порог. — Молодой князь ведь отдал их молодому господину Хэланю, чтобы тот помог с прощением? Ты же говорил, Хэлань прислал ответ, что уже получил назначение и отбывает на границу?

Шэн Ань поспешно поклонился:

— Всё так, госпожа. Молодой господин Хэлань именно так и ответил: мол, прежде он задолжал дому Шэн, и впредь обязательно найдёт возможность отплатить добром. А вот делом молодого наследника заняться не сможет из-за иных важных поручений, о чём просил вас не гневаться. По вашему же указанию я третьего дня отправил ему подарок на дорогу.

Госпожа Шэн нахмурилась, постукивая пальцами по столу.

— Тогда где же обналичили вексель на сто тысяч, который Сюй Чунь якобы пожертвовал Министерству общественных работ?

— Наследник выписал его в нашей семейной лавке, — отчеканил Шэн Ань. — О целях своих не обмолвился, но на днях из Министерства действительно приходили люди. Сказали, что пока заберут десять тысяч. Вексель подлинный, так что мы всё выплатили сполна.

Госпожа Шэн на мгновение задумалась, а затем распорядилась:

— Ступай и приведи ко мне Чуньси, что прислуживает сыну. Только тихо, чтобы сам Сюй Чунь ничего не прознал.

Шэн Ань исчез и вскоре вернулся вместе с молодым слугой. Чуньси было шестнадцать; смыслённый и преданный, он происходил из потомственных слуг семьи Шэн — его родня годами ходила на торговых судах в море.

— Госпожа, — юноша почтительно склонился перед хозяйкой.

— Скажи мне, — голос госпожи Шэн был ровным, но пронизательным, — через чьи руки прошли те сто тысяч лянов, что молодой князь пожертвовал Министерству?

Чуньси захлопал глазами, на его лице отразилось искреннее недоумение.

— Министерству? Не припомню такого, госпожа. Молодой князь действительно взял в «Зале

Жун-цин» вексель на сто тысяч, но он самолично отвёз его в столичное управление. Сказал, что хочет выкупить молодого господина Хэланя из «низкого статуса» и вернуть ему доброе имя.

В комнате повисла тишина. Госпожа Шэн явно не ожидала такого ответа. Справившись с изумлением, она спросила:

— Значит, он всё-таки виделся с Хэланем?

— Так точно. Они встретились на судне. Меня на борт не пустили, велели ждать на берегу с лошадьми. Когда молодой князь вернулся, на нём лица не было. Я ещё спросил, неужто гость ему не приглянулся? А он только усмехнулся так горько и говорит: «Это я ему не приглянулся. Кто я такой? Всего лишь никчёмный, глупый повеса».

Госпожа Шэн поджала губы, в её глазах промелькнула тень боли.

— С того дня молодой князь сам не свой был, — продолжал Чуньси. — Несколько дней только вздыхал да охал. Ни вина пить не ходил, ни песен слушать, даже про петушинные бои и мяч забыл. Дома засел, книжки листал усердно, а потом бросил всё, в сердцах бросил — мол, не для его ума эта наука.

Слуга перевёл дыхание и добавил:

— Вы же знаете, госпожа, у нашего наследника что ни день, то новая затея. Велел он мне разыскать господина Лю Шэна, чтобы тот свёл его с кем-нибудь из столичного управления. Устроили обед для тамошнего писаря, стали разузнавать, как Хэланю статус сменить. Писарь тот поначалу твердил, что дело гиблое — мол, сын опального чиновника, закон суров. Но потом лазейку подсказал: если, говорит, сумеете умиловить самого градоначальника, то всё решится в один миг. А градоначальник нынче как раз в большой заботе из-за растрат в казне управления. Если кто поможет ему эту дыру залатать, то и приказ о свободе выйдет без проволочек. Вот молодой князь и взял вексель в «Зале Жун-цин», а мне велел передать его тому писарю по фамилии Ма.

Теперь госпожа Шэн всё поняла.

— Видно, молодой господин Хэлань прознал об этом, — негромко произнесла она. — Вернуть деньги он не мог, а честь потомка прославленных полководцев не позволила оставить их себе. Должно быть, у него остались связи в столице, вот он и направил это серебро в Министерство от имени сына, а заодно и выхлопотал для меня этот титул.

Чуньси стоял столбом, не зная, что и думать, а Шэн Ань поспешил утешить хозяйку:

— Если бы молодой князь знал, что за сто тысяч лянов можно купить для вас такое почтение,

он бы и гроша не пожалел.

Лицо госпожи Шэн подернулось дымкой печали. Она помолчала, а затем велела слуге:

— Ступай обратно к наследнику. И смотри, ни слова ему о нашем разговоре. Пусть думает, что я ни о чём не догадываюсь.

Когда Чуньси ушёл, Шэн Ань осторожно заметил:

— Как бы там ни было, молодой князь поступил благородно. Это ли не высшее проявление сыновней почтительности? Может, госпожа сменит гнев на милость и наладит отношения с сыном?..

Госпожа Шэн лишь покачала головой.

— Не нужно. Просто следи, чтобы он ни о чём не узнал. Передай в «Зал Жун-цин», что эти сто тысяч я покрою из своих средств. И приготовьте ещё двадцать тысяч — пусть отправят на границу господину Хэланю с моими пожеланиями великих свершений.

Шэн Ань вздохнул про себя, но спорить не посмел.

— Получение титула — великая радость, — добавил он. — Я уже распорядился выдать всем лавкам награду в размере месячного жалованья. Не пора ли отправить весть в поместье, почтенному старцу и вашему старшему брату?

Госпожа Шэн едва заметно улыбнулась:

— Отец, если узнает, что это Чунь-гэ так обо мне позаботился, места себе от счастья не найдет. Отправь кого-нибудь посмышленнее с доброй вестью.

— Ох, — усмехнулся управляющий, — старый господин и старший брат и так в наследнике души не чают. Боюсь, как бы они снова не завалили его серебром, а то князь Цзин опять начнёт на эти деньги заглядываться.

— Они любят Чунь-гэ как родного, — отозвалась госпожа Шэн, — но и сам он не так прост, как кажется. Сегодня, когда отец требовал у него денег на перестройку сада, он прямо при старой госпоже ему и отказал. На самом деле Чунь-гэ знает меру в тратах. По сравнению со своими двоюродными братьями он — образец бережливости.

— И то верно, — согласился Шэн Ань. — В столице нравы строгие, вот молодой князь и не шикует лишней раз, чтобы не мозолить глаза завистникам.

— Сын уже вернулся к себе? — спросила госпожа Шэн.

Шэн Ань коротко рассмеялся:

— Вы же знаете его нрав. Старая госпожа прислала ему двух служанок, те ждали его, чтобы засвидетельствовать почтение. Наследник заглянул в покои, увидел девиц, подхватил вещи и был таков. Слуги донесли, что он ни в какие злачные места не пошёл, а уехал в свой дом в квартале Бамбуковых Ветвей. Сидит там, рисует что-то от скуки. Говорят, праздность до добра не доводит... Может, госпоже стоит взять его под своё крыло? Обучить хотя бы азам торговли...

Госпожа Шэн устало махнула рукой.

— И не поминай об этом. В столичных знатных домах купеческое дело презирают, считают низким занятием. Сын... ему суждено унаследовать титул. Если я втяну его в торговлю, он не сможет с гордостью смотреть в глаза равным себе. Ни старая госпожа, ни князь Цзин этого не допустят. Да и сам он вряд ли захочет учиться. Ладно уж... В конце концов, я смогу обеспечить ему безбедную жизнь до конца дней. Пусть будет счастлив, этого довольно.

Шэн Ань, будучи доверенным лицом, всё же решился на последний совет:

— Он ещё молод, воспитание — дело долгое. Раз уж старая госпожа начала присматривать ему девиц, может, и нам стоит выбрать кого-нибудь из побочных ветвей семьи Шэн?..

— Не нужно, — отрезала она. — В этом доме не я хозяйка. Зачем губить жизнь невинной девушке, отдавая её в это гнездо? Неужто мне мало собственных обид?..

Её глаза внезапно повлажнели. Горечь и нежданная радость от поступка сына смешались в душе, лишая привычной твердости.

— К тому же, — голос её дрогнул, — он нынче совсем потерял голову. Стал искать общества мужчин... Вдруг он и впрямь обратился к «Южному ветру»? Если так, то перед братьями его будет совестно — обречь хорошую девушку на жизнь с тем, кто к ней хладен. Потерпим ещё немного. Вот примет он титул, остепенится, тогда и видно будет.

Шэн Ань не посмел больше возражать и, поклонившись, вышел.

Сюй Чунь добрался до своего убежища в квартале Бамбуковых Ветвей. Этот дом он приобрёл втайне, на собственные сбережения, чтобы иметь место, где можно отдохнуть от суеты и вечного надзора.

Переулок был глубоким и тихим, а само жилище — верхом изящества: светлые окна, чистые столы, редкие цветы и заросли бамбука. Он сам следил за тем, как слуги обустраивают комнаты, добиваясь безупречного уюта. О существовании этого места он не говорил ни отцу, ни бабушке, скрыл его даже от Лю Шэна — знали лишь несколько преданных слуг да охрана.

Иногда, засидевшись за вином допоздна или когда на душе становилось совсем тошно, он велел передать в княжеский дом, будто заночевал в Академии за книгами, а в самой Академии сказывался больным. Так, обманывая обе стороны, он выкраивал себе несколько дней покоя.

Впрочем, он понимал, что от матери ничего не скроешь — ведь прислуживали ему люди из рода Шэн. Стоило ему купить этот дом, как соседние строения тут же сменили владельцев. Теперь, когда он приезжал сюда, его стража располагалась по соседству. Сюй Чунь не подавал виду, зная, что это забота матери. В глазах окружающих он был лакомым куском, «жирным бараном», так что плотная охрана была делом привычным. Его двоюродные братья в Миньчжоу и вовсе выезжали в свет целыми отрядами, с шумом и помпой.

Здесь же он старался быть скромнее. С ним были лишь четверо слуг, обученных и присланных семьёй Шэн.

Едва он вошёл во двор, Старина Шэн Лю принял у него поводья.

— Что это молодой господин сегодня пожаловал? — улыбнулся старик. — Слышал я, в поместье нынче пир горой?

Здесь его называли просто «молодым господином», не упоминая титулов. Сюй Чунь хмуро бросил ему хлыст.

— Согрей-ка желтого вина. И пусть Шестая нянюшка сообразит чего-нибудь перекусить. На том пиру я и крошки в рот не взял.

— Как раз вчера привезли отличных трепангов, — засуетился Шэн Лю. — Приготовим их с луком? И ещё из морской лавки доставили морское ушко — крупное, в ладонь величиной. Думал приберечь, да раз уж вы здесь... Притомим его в кукурузном отваре с куриным соком и тофу? К ним — нежные побеги гороха, весенний чеснок с речными креветками и горячие жоуяни.

— Пусть нянюшка готовит на свой вкус, — безучастно отозвался Сюй Чунь. — У неё всё выходит в сто крат вкуснее, чем на тех парадных обедах.

Шэн Лю прыснул:

— Ох уж эти потомственные слуги в доме князя! Сячао рассказывал: пока серебро через их руки пройдёт, они себе столько налипнет, что едят слаще хозяев. Вашим ребятам вечно

приходится им в лапу давать, даже чтобы в ворота постучать. Хорошо, что вы теперь здесь чаще бываете, а то их жалованья на всех этих прохвостов не хватило бы.

Сюй Чунь невольно улыбнулся:

— Сячао всё никак язык за зубами не научится держать. Дойдёт до ушей старой госпожи — снова накажут. Помнишь, как он со мной бабушку в храм сопровождал?

— Как не помнить, — отозвался старик.

— Бабушка тогда со старшей сестрой беседовала. Сестра принесла шкатулку жемчуга — подарок мужа на украшения. Хотела, чтобы Цяохэ, которая мастерица на такие дела, сплела ей ожерелье. Бабушка только открыла ларец, а Сячао возьми да и ляпни: «Зачем, — говорит, — на такую мелочь время тратить, дырки в них сверлить? У нас в Миньчжоу такой мелкий жемчуг только на лекарства растирают да в пудру для лица добавляют».

Сюй Чунь покачал головой:

— Сестра так и вспыхнула, чуть по лицу его не отхлестала. Пришлось мне полчаса извиняться, твердить, что мал он ещё да неотесан. В итоге отдал ей золотой венец с жемчугами, чтобы гнев сменила на милость. С тех пор я его к бабушке ни ногой — разорит он меня своими выходками.

Шэн Лю расхохотался:

— В столице и мелкий жемчуг в цене, это у нас его за сор считают. Мальчишка, конечно, озорной, старый господин в поместье всё хотел его ещё пару лет поучить манерам. Но у парня нюх как у гончей — любую нечисть в еде за версту чует. Потому госпожа его к вам и приставила, чтобы сердце её было спокойно. Вы уж строго его не судите, но и не балуйте лишнего. Ступайте в дом, переоденьтесь в домашнее. Духота стоит невозможная, видать, к дождю. Как накроем — позовем.

Сюй Чунь кивнул и прошёл в комнаты. Сбросил тяжелое парадное платье, облачился в легкие одежды из белого крепа и накинул светло-зеленый халат из тонкого полотна. В тот же миг снаружи громыхнуло так, что задрожали стены. По черепице крыши с сухим треском ударили первые капли, и начался ливень.

Дождь хлынул стеной — густой, яростный. Сквозь стеклянное окно Сюй Чунь видел, как мириады водяных стрел вонзаются в землю. Бамбук за окном неистово раскачивался под ударами стихии.

В глубине дома была небольшая двухэтажная пристройка, выходившая окнами на Императорское озеро. В такую погоду сидеть на верхней галерее, подставляя лицо прохладному ветру, было истинным наслаждением. Сюй Чунь поднялся вверх. Медный

колокольчик на карнизе заливался неистовым звоном. Озеро вдали скрылось за белесой пеленой; тяжелые капли выбивали на воде мириады всплесков, поднимая густой туман. Лотосы и кувшинки металась в волнах, то скрываясь под водой, то вновь показывая свои избитые листья.

Он стоял, опершись на перила, и смотрел на разгул стихии. Мысли его вновь вернулись к господину Хэланю. Тот был подобен чистому лунному свету или снегу на вершинах гор — недостижимый, благородный. Он отверг помощь, но сам оказал неоценимую услугу, решив проблему, которая годами тяготила мать. «А я? — думал Сюй Чунь. — Сын, который только и знает, что искать развлечений...» Неудивительно, что Хэлань посмотрел на него свысока.

Чувство собственного ничтожества жгло сердце. И всё же в глубине души теплилась безумная надежда: если Хэлань так помог его матери, может, он не совсем презирает его?.. Но как увидеть его снова? Он ведь не захочет... Он считает его «грязным»...

Внезапно сквозь шум ливня прорвался топот копыт. Звук был частым и яростным, точно раскаты грома. Сюй Чунь удивился: кто решится скакать в такую бурю?

Вдоль стены его сада тянулась узкая тропа, ведущая к лесу у озера. Обычно там не было ни души, но сейчас по дороге неслись трое всадников. Они явно пытались срезать путь, не зная, что впереди — тупик, охраняемый дворцовой стражей.

Сюй Чунь впился взглядом в того, кто скакал первым. Черные одежды всадника насквозь пропитались влагой, но он держался в седле прямо, точно копьё, и в его фигуре чувствовалась мощь, подобная вековой горе. Под ним был великолепный черный конь с серебристой гривой и белоснежными бабками — настоящий дракон среди лошадей. Двое спутников, крепкие мужчины с мечами на поясах, едва поспевали за ним на своих рыжих скакунах.

Всадники промчались совсем близко. Лицо предводителя на миг стало отчетливо видно: холодный взгляд, высокая переносица, тонкие губы.

Сердце Сюй Чуня внезапно пропустило удар, а затем пустилось вскачь.

<http://bllate.org/book/16990/1581378>